

Сборник

Рай под ногами матерей

Величие души

Сборник

Рай под ногами матерей

«Эпоха»

2013

Сборник

Рай под ногами матерей / Сборник — «Эпоха»,
2013 — (Величие души)

В очередной книге серии «Величие души» собраны лирические и прозаические произведения, которые посвящены вечным темам материнства, материнского подвига. Адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Колыбельные	6
Колыбельная девочке	7
Колыбельная песня	8
Колыбельная	10
Колыбельная	12
Матери	13
Сердце матери	14
Мне уже шестнадцать, мама	15
Баллада о матери	17
Матери	21
Мать	22
Слово о матери	24
Сказки об Италии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рай под ногами матерей. Сборник произведений

*«Легко гордиться прошлым своего народа,
которое ты не создавал,
сложнее соответствовать
этому великому прошлому».*

Мы все знаем: каждый из нас индивидуален! Но что каждый из нас, кроме того, и велик в своей начертанной только для него Богом судьбе и великолепен в предписанных только для него победах и поражениях, радостях, страданиях и разочарованиях, осознаём не всегда. Как не всегда осознаём и меру личной ответственности каждого из нас за будущее своего народа и своей Родины, за необходимость соответствовать этим предназначениям Всевышнего каждый день, в каждом своём поступке.

Соответствовать высокому статусу достойных наследников своих предков и испытать счастье от божественного дара – быть человеком на Земле, лично ответственным за её покой и благополучие в такой же мере, в какой проявляли эту свою бескорыстную ответственность герои книг, с которыми вы встретитесь в наших изданиях серии «Величие души».

Редакционный совет

Колыбельные

Из русской народной поэзии

Баю-баю, баю-бай!
И у ночи будет край,
А покуда детвора
Спит в кроватках до утра.

Спит корова, спит бычок,
В огороде спит жучок.
И котёнок рядом с кошкой
Спит за печкою в лукошке.

На лужайке спит трава,
На деревьях спит листва,
Спит осока у реки,
Спят сомы и окуньки.

Баю-бай крадётся дрёма,
Он разносит сны по дому.
И к тебе пришел, малыш —
Ты уже так сладко спишь...

Колыбельная девочке

(Из аварской народной поэзии, перевел Н. Гребнёв)

Ох, мамина травинка,
Любовь моя и боль.
Ты вишня из Голотля,
Тиндинская фасоль.

Зима наступит скоро,
Потом растает лёд,
Потом соседский мальчик
К тебе играть придёт.

Блестит твой первый зубик,
Глаза твои блестят.
Спи, мамина травинка,
Все дети крепко спят.

Колыбельная песня

Майков Аполлон

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер после трёх ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?».

«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

* * *

М. Цветаева

«Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки...»
Мама у маленькой Валечки
Тихо сняла башмачки.

«Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела...»
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

«Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул – и в горы скорей...»
Мама у сонной малюточки
Шёлк расчесала кудрей.

«Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...»
Мама у сонной дочурочки

Вынула куклу из рук.

«Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок...»
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

Колыбельная

К. Бальмонт

Лёгкий ветер присмирел,
Вечер бледный догорел,
С неба звёздные огни
Говорят тебе: «Усни!».
Не страшись перед судьбой,
Я, как няня, здесь с тобой,
Я, как няня, здесь пою:
«Баю-баюшки-баю».

Тот, кто знает скорби гнёт,
Тёмной ночью отдохнёт.
Всё, что дышит на земле,
Сладко спит в полночной мгле.
Дремлют птички и цветы;
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здесь пропою:
«Баю-баюшки-баю».

Спи, усни, мой медвежонок,
Мой косматый, косолапый.
Батяка твой ушёл за мёдом,
Мать пошла лущить овёс.
Скоро батяка будет с мёдом,
Мать – с овсяным кисельком.

Кто постельку, колыбельку
Для волчонка, медвежонка
Из ветвей сплетёт еловых,
Из еловых, из сосновых,
Из берёзовых ветвей?

Кто подвесит медвежонку,
Медвежонку, олененку
Зыбку легкую на ветки,
Кто им песенку споёт?
Будет нянькой вольный ветер,
Ветер песенку споёт.

Стал медведем медвежонок,
Стал оленем оленёнок,
Оба стали мужиками,
А никто их не лелеял,
Не лелеял, не баюкал,
Не баюкал, не качал.

Колыбельная

В. Тушинова

Душная, безлунная
Опустилась ночь.
Всё о сыне думала,
А сказали: «Дочь...».

Ветер стукнул форточкой,
Штору шевеля.
Здравствуй, милый свёрточек,
Доченька моя!

У тебя на коврике
Вышита коза,
У тебя, наверное,
Синие глаза.

Ну, а если серые —
Маме всё равно.
Утро твоё первое
Смотрится в окно.

Матери

И. Бунин

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кровать
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!».
Ты перекрестишь, поцелуешь,
Напомнишь мне, что он со мной,
И верой в счастье очаруешь...
Я помню, помню голос твой!
Я помню ночь, тепло кровати,
Лампадку в сумраке угла
И тени от цепей лампадки...
Не ты ли ангелом была?

Сердце матери

Д. Кедрин

Дивчину пытается казак у плетня:
«Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня?
Я саблей добуду для крали своей
И светлых цехинов, и звонких рублей!».
Дивчина в ответ, заплетая косу:
«Про то мне ворожка гадала в лесу.
Пророчит она: мне полюбится тот,
Кто матери сердце мне в дар принесет.
Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.
Я пепел его настою на хмелю,
Настоя напьюсь – и тебя полюблю!».
Казак с того дня замолчал, захмурел,
Борща не хлебал, саламаты не ел.
Клинком разрубил он у матери грудь
И с ношей заветной отправился в путь:
Он сердце ее на цветном рушнике
Коханой приносит в косматой руке.
В пути у него помутилось в глазах,
Всходя на крылечко, споткнулся казак.
И матери сердце, упав на порог,
Спросило его: «Не ушибся, сынок?».

Мне уже шестнадцать, мама

Э. Асадов

Ну что ты не спишь и все ждешь упрямо?
Не надо. Тревоги свои забудь.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама!
Мне больше! И в этом, пожалуй, суть.

Я знаю, уж так повелось на свете,
И даже предчувствую твой ответ,
Что дети всегда для матери дети,
Пускай им хоть двадцать, хоть тридцать лет

И все же с годами былые средства
Как-то меняться уже должны.
И прежний надзор и контроль, как в детстве,
Уже обидны и не нужны.

Ведь есть же, ну, личное очень что-то!
Когда ж заставляют: скажи да скажи! —
То этим нередко помимо охоты
Тебя вынуждают прибегнуть к лжи.

Родная моя, не смотри устало!
Любовь наша крепче еще теперь.
Ну разве ты плохо меня воспитала?
Верь мне, пожалуйста, очень верь!

И в страхе пусть сердце твое не бьется,
Ведь я по-глупому не влюблюсь,
Не выйду навстречу, кому придется,
С дурной компанией не свяжусь.

И не полезу куда-то в яму,
Коль повстречаю в пути беду,
Я тотчас приду за советом, мама,
Сразу почувствую и приду.

Когда-то же надо ведь быть смелее,
А если порой поступлю не так,
Ну что ж, значит, буду потом умнее,
И лучше синяк, чем стеклянный колпак.

Дай твои руки расцеловать,
Самые добрые в целом свете.
Не надо, мама, меня ревновать,
Дети, они же не вечно дети!

И ты не сиди у окна упрямо,
Готовя в душе за вопросом вопрос.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама.
Пойми. И взгляни на меня всерьез.

Прошу тебя: выбрось из сердца грусть,
И пусть тревога тебя не точит.
Не бойся, родная. Я скоро вернусь!
Спи, мама. Спи крепко. Спокойной ночи!

Баллада о матери

Ольга Киевская

Сорок первый – год потерь и страха
Заревом кровавым пламенел...
Двух парней в растерзанных рубахах
Выводили утром на расстрел.

Первым шёл постарше, тёмно-русый,
Всё при нём: и силушка, и стать,
А за ним второй – пацан безусый,
Слишком юный, чтобы умирать.

Ну, а сзади, еле поспевая,
Семила старенькая мать,
О пощаде немца умолая.
«Найн, – твердил он важно, – растреляйт!».

«Нет! – она просила, – пожалейте,
Отмените казнь моих детей,
А взамен меня, меня убейте,
Но в живых оставьте сыновей!».

И ответил офицер ей чинно:
«Ладно, матка, одного спасайт.
А другого расстреляем сына.
Кто тебе милее? Выбирайт!».

Как в смертельной этой круговерти
Ей сберечь кого-нибудь суметь?
Если первенца спасёт от смерти,
То последыш – обречён на смерть.

Зарыдала мать, запричитала,
Вглядываясь в лица сыновей,
Будто бы и вправду выбирала,
Кто роднее, кто дороже ей?

Взгляд туда-сюда переводила...
О, не пожелаешь и врагу
Мук таких! Сынов перекрестила.
И призналась фрицу: «Не могу!».

Ну, а тот стоял, непробиваем,
С наслажденьем нюхая цветы:
«Помни, одного – мы убиваем,
А другого – убиваешь ты».

Старший, виновато улыбаясь,
Младшего к груди своей прижал:
«Брат, спасайся, ну, а я останусь, —
Я пожил, а ты не начинал».

Отозвался младший: «Нет, братишка,
Ты спасайся. Что тут выбирать?
У тебя – жена и ребятишки.
Я не жил, – не стоит начинать».

Тут учтиво немец молвил: «Битге, —
Отодвинул плачущую мать,
Отошёл подальше деловито
И махнул перчаткой, – расстреляйт!».

Ахнули два выстрела, и птицы
Разлетелись дробно в небеса.
Мать разжала мокрые ресницы,
На детей глядит во все глаза.

А они, обнявшись, как и прежде,
Спят свинцовым беспробудным сном —
Две кровинки, две её надежды,
Два крыла, пошедшие на слом.

Мать безмолвно сердцем каменеет:
Уж не жить сыночкам, не цвести...
«Дура-матка, – поучает немец, —
Одного могла бы хоть спасти».

А она, баюкая их тихо,
Вытирала с губ сыновних кровь...
Вот такой, – убийственно великой, —
Может быть у Матери любовь.

* * *

Фазу Алиева

«Мама», —
Чуть слышное слово,
А в нем
Столько добра и тепла:
Тыщи вершин были в сердце моем —
К каждой тропинка легла.
«Мама», —
Чуть слышное слово,

А в нем
Твердость такая слышна:
Тыщи ущелий в сердце моем
Заполнены до полна.
Небо вдруг стало близким таким —
На расстоянье руки.
Реки, моря, океаны под ним
Как ручейки.
Будто на всем обрела в этот час
Я беспредельную власть.
Матери-женщины,
С каждой из вас
Я воедино слилась.
«Мама», —
Такого сладкого меда
Еще ни одна пчела,
Работающая год от года,
В улей не принесла.
«Мама», —
Такой глубины не вынуть
Тысячами лопат.
«Мама», —
Такой глубины в долинах
Не пробивал водопад.
«Мама», —
Такой высоты высокой
Ни в какие века
Еще ни один
Ни орел,
Ни сокол
Не достигал пока.
«Мама», —
Путник усталым взглядом
Ищет в прохладе покой.
Но никогда
Он в пути
Прохлады
Не находил такой.
«Мама», —
Легкое, как пушинка,
Выпавшая из пера.
«Мама», —
Среди гор
Твердое, как вершинная
Гора.
И как будто шепотом сказанное
Это слово наедине,
Целым миром услышано сразу,
И весь мир завидует мне.

«Мама», – мост к существу бытия,
К смыслу добра и зла,
Русло мое,
В которое я
Беды свои отвела.
«Мама», – печатью легло золотой
На сердце мое
Давно.
И никакою соленой водой
Смыть ее не дано.
Словно под белым
Под снежным покровом
Сын мой два слова нашел.
Словно подснежники,
Пахнут два слова:
«Мама»
И «хорошо»!..

Матери

Расул Гамзатов.

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме.
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь,
но вдруг опять
Сожмется сердце. «Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно обронея.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

Мать

(Перевод Я. Козловского)

По-русски – «мама», по-грузински «нана».
А по-аварски – ласково «баба».
Из тысяч слов земли и океана
У этого особая судьба.
Став первым словом в год наш колыбельный,
Оно порой входило в дымный круг
И на устах солдата в час смертельный
Последним зовом становилось вдруг.
На это слово не ложатся тени,
И в тишине, наверно, потому
Слова другие, преклонив колени,
Желают исповедаться ему.
Родник, услугу оказав кувшину,
Лепечет это слово оттого,
Что вспоминает горную вершину —
Она прослыла матерью его.
И молния прорежет тучу снова,
И я услышу, за дождем следя,
Как, впитываясь в землю, это слово
Вызванивают капельки дождя.
Тайком вздохну, о чем-нибудь горя,
И, скрыв слезу при ясном свете дня,
Не беспокойся, мама, говорю я,
Все хорошо, родная, у меня.
Тревожится за сына постоянно
Святой любви великая раба.
По-русски «мама», по-грузински «нана»
И по-аварски – ласково «баба».

* * *

Есть в природе знак святой и вещий,
Ярко обозначенный в венках:
Самая прекрасная из женщин —
Женщина с ребенком на руках.
От любой напасти заклинанья
(Ей то уж добра не занимать!),
Нет, не Богоматерь, а земная,
Гордая, возвышенная мать.
Свет любви издревле ей завещан,
Так вот и стоит она в веках:

Самая прекрасная из женщин —
Женщина с ребенком на руках.
Все на свете метится следами
Сколько бы не вышагал путей,
Яблоня – украшена плодами,
Женщина – судьбой своих детей.
Пусть ей вечно солнце рукоплещет,
Так она и будет жить в веках,
Самая прекрасная из женщин —
Женщина с ребенком на руках.

Слово о матери

Трудно жить, навеки Мать утратив.
Нет счастливей нас, чья мать жива.
Именем моих погибших братьев
Вдумайтесь, молю, в мои слова.

Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите,
От обид, от тягот и забот.

Боль за сыновей, подобно мелу,
Выбелит ей косы до бела.
Если даже сердце очерствело,
Дайте маме капельку тепла.

Если сердцем стали вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова.
Знайте: дети ранят всех больней!

Если ваши матери устали,
Добрый отдых вы им дать должны.
Берегите их от черных шалей,
Берегите женщин от войны!

Мать умрет, и не изгладить шрамы,
Мать умрет, и боли не унять.
Заклинаю: берегите маму,
Дети мира, берегите мать!

Сказки об Италии

Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь.
Андерсен

Максим Горький

IX

Прославим женщину – Мать, неиссякаемый источник всё побеждающей жизни!

Здесь пойдет речь о железном Тимурленге, хромом барсе, о Сахиб-и-Кирани – счастливом завоевателе, о Тамерлане, как называли его неверные, о человеке, который хотел разрушить весь мир.

Пятьдесят лет ходил он по земле, железная стопа его давила города и государства, как нога слона муравейники, красные реки крови текли от его путей во все стороны; он строил высокие башни из костей побежденных народов; он разрушал жизнь, споря в силе своей со Смертью, он мстил ей за то, что она взяла сына его Джигангира; страшный человек – он хотел отнять у нее все жертвы – да издохнет она с голода и тоски!

С того дня, как умер сын его Джигангир и народ Самарканда встретил победителя злых джеттов одетый в черное и голубое, посыпав головы свои пылью и пеплом, с того дня и до часа встречи со Смертью в Отраре, где она поборол его, – тридцать лет Тимур ни разу не улыбнулся – так жил он, сомкнув губы, ни пред кем не склоняя головы, и сердце его было закрыто для сострадания тридцать лет!

Прославим в мире женщину – Мать, единую силу, пред которой покорно склоняется Смерть! Здесь будет сказана правда о Матери, о том, как преклонился пред нею слуга и раб Смерти, железный Тамерлан, кровавый бич земли.

Вот как это было: пировал Тимур-бек в прекрасной долине Канигула, покрытой облаками роз и жасмина, в долине, которую поэты Самарканда называли «Любовь цветов» и откуда видны голубые минареты великого города, голубые купола мечетей.

Пятнадцать тысяч круглых палаток раскинуто в долине широким веером, все они – как тюльпаны, и над каждой – сотни шелковых флагов трепещут, как живые цветы.

А в середине их – палатка Гуругана-Тимура – как царица среди своих подруг. Она о четырех углах, сто шагов по сторонам, три копыта в высоту, ее середина – на двенадцати золотых колоннах в толщину человека, на вершине ее голубой купол, вся она из черных, желтых, голубых полос шелка, пятьсот красных шнуров прикрепили ее к земле, чтобы она не поднялась в небо, четыре серебряных орла по углам ее, а под куполом, в середине палатки, на возвышении, – пятый, сам непобедимый Тимур-Гуру-ган, царь царей.

На нем широкая одежда из шелка небесного цвета, ее осыпают зерна жемчуга – не больше пяти тысяч крупных зерен, да! На его страшной седой голове белая шапка с рубином на острой верхушке, и качается, качается – сверкает этот кровавый глаз, озирая мир.

Лицо Хромого, как широкий нож, покрытый ржавчиной от крови, в которую он погружался тысячи раз; его глаза узки, но они видят всё, и блеск их подобен холодному блеску царя-мута, любимого камня арабов, который неверные зовут изумрудом и который убивает падучую болезнь. А в ушах царя – серьги из рубинов Цейлона, из камней цвета губ красивой девушки.

На земле, на коврах, каких больше нет, – триста золотых кувшинов с вином и всё, что надо для пира царей, сзади Тимура сидят музыканты, рядом с ним – никого, у ног его – его кровные, цари и князья, и начальники войск, а ближе всех к нему – пьяный Кермани-поэт, тот, который однажды, на вопрос разрушителя мира:

– Кермани! Сколько б ты дал за меня, если б меня продавали? – ответил сеятелю смерти и ужаса:

– Двадцать пять аскеров.

– Но это цена только моего пояса! – вскричал удивленный Тимур.

– Я ведь и думаю только о поясе, – ответил Кермани, – только о поясе, потому что сам ты не стоишь ни гроша!

Вот как говорил поэт Кермани с царем царей, человеком зла и ужаса, и да будет для нас слава поэта, друга правды, навсегда выше славы Тимура.

Прославим поэтов, у которых один бог – красиво сказанное, бесстрашное слово правды, вот кто бог для них – навсегда!

И вот, в час веселья, разгула, гордых воспоминаний о битвах и победах, в шуме музыки и народных игр пред палаткой царя, где прыгали бесчисленные пестрые шуты, боролись силачи, изгибались канатные плясуны, заставляя думать, что в их телах нет костей, состязаясь в ловкости убивать, фехтовали воины и шло представление со слонами, которых окрасили в красный и зеленый цвета, сделав этим одних – ужасными и смешными – других, – в этот час радости людей Тимура, пьяных от страха пред ним, от гордости славой его, от усталости побед, и вина, и кумыса, – в этот безумный час, вдруг, сквозь шум, как молния сквозь тучу, до ушей победителя Баязета-султана долетел крик женщины, гордый крик орлицы, звук, знакомый и родственный его оскорбленной душе, – оскорбленной Смертью и потому жестокой к людям и жизни.

Он приказал узнать, кто там кричит голосом без радости, и ему сказали, что явилась какая-то женщина, она вся в пыли и лохмотьях, она кажется безумной, говорит по-арабски и требует – она требует! – видеть его, повелителя трех стран света.

– Приведите ее! – сказал царь.

И вот пред ним женщина – босая, в лохмотках выцветших на солнце одежд, черные волосы ее были распущены, чтобы прикрыть голую грудь, лицо ее, как бронза, а глаза повелительны, и темная рука, протянутая Хромому, не дрожала.

– Это ты победил султана Баязета? – спросила она.

– Да, я. Я победил многих и его и еще не устал от побед. А что ты скажешь о себе, женщина?

– Слушай! – сказала она. – Что бы ты ни сделал, ты – только человек, а я – Мать! Ты служишь смерти, я – жизни. Ты виноват предо мной, и вот я пришла требовать, чтоб ты искупил свою вину, – мне говорили, что девиз твой «Сила – в справедливости», – я не верю этому, но ты должен быть справедлив ко мне, потому что я – Мать!

Царь был достаточно мудр для того, чтобы почувствовать за дерзостью слов силу их, – он сказал:

– Сядь и говори, я хочу слушать тебя!

Она села – как нашла удобным – в тесный круг царей, на ковер, и вот что рассказала она:

– Я – из-под Салерно, это далеко, в Италии, ты не знаешь где! Мой отец – рыбак, мой муж – тоже, он был красив, как счастливый человек, – это я поила его счастьем! И еще был у меня сын – самый прекрасный мальчик на земле...

– Как мой Джигангир, – тихо сказал старый воин.

– Самый красивый и умный мальчик – это мой сын! Ему было шесть лет уже, когда к нам на берег явились сарадины-пираты, они убили отца моего, мужа и еще многих, а мальчика похитили, и вот четыре года, как я его ищу на земле. Теперь он у тебя, я это знаю, потому что воины Баязета схватили пиратов, а ты – победил Баязета и отнял у него всё, ты должен знать, где мой сын, должен отдать мне его!

Все засмеялись, и сказали тогда цари – они всегда считают себя мудрыми!

– Она – безумна! – сказали цари и друзья Тимура, князья и военачальники его, и все смеялись.

Только Кермани смотрел на женщину серьезно, и с великим удивлением Тамерлан.

– Она безумна как Мать! – тихо молвил пьяный поэт Кермани; а царь – враг мира – сказал:

– Женщина! Как же ты пришла из этой страны, неведомой мне, через моря, реки и горы, через леса? Почему звери и люди – которые часто злее злейших зверей – не тронули тебя, ведь ты шла, даже не имея оружия, единственного друга беззащитных, который не изменяет им, доколе у них есть сила в руках? Мне надо знать всё это, чтобы поверить тебе и чтобы удивление пред тобою не мешало мне понять тебя!

Восславим женщину – Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Всё прекрасное в человеке – от лучей солнца и от молока Матери, – вот что насыщает нас любовью к жизни!

Сказала она Тимур-ленгу:

– Море я встретила только одно, на нем было много островов и рыбацких лодок, а ведь если ищешь любимое – дует попутный ветер. Реки легко переплыть тому, кто рожден и вырос на берегу моря. Горы? – я не заметила гор. Пьяный Кермани весело сказал:

– Гора становится долиной, когда любишь!

– Были леса по дороге, да, это – было! Встречались вепри, медведи, рыси и страшные быки, с головой, опущенной к земле, и дважды смотрели на меня барсы, глазами, как твои. Но ведь каждый зверь имеет сердце, я говорила с ними, как с тобой, они верили, что я – Мать, и уходили, вздыхая, – им было жалко меня! Разве ты не знаешь, что звери тоже любят детей и умеют бороться за жизнь и свободу их не хуже, чем люди?

– Так, женщина! – сказал Тимур. – И часто – я знаю – они любят сильнее, борются упорнее, чем люди!

– Люди, – продолжала она, как дитя, ибо каждая Мать – сто раз дитя в душе своей, – люди – это всегда дети своих матерей, – сказала она, – ведь у каждого есть Мать, каждый чей-то сын, даже и тебя, старик, ты знаешь это, – родила женщина, ты можешь отказаться от бога, но от этого не откажешься и ты, старик!

– Так, женщина! – воскликнул Кермани, бесстрашный поэт. – Так, – от сборища быков – телят не будет, без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщины нет любви, без Матери – нет ни поэта, ни героя!

И сказала женщина:

– Отдай мне моего ребенка, потому что я – Мать и люблю его!

Поклонимся женщине – она родила Моисея, Магомета и великого пророка Иисуса, который был умерщвлен злыми, но – как сказал Шерифэддин – он еще воскреснет и придет судить живых и мертвых, в Дамаске это будет, в Дамаске!

Поклонимся Той, которая неутомимо родит нам великих! Аристотель сын Ее, и Фирдуси, и сладкий, как мед, Саади, и Омар Хайям, подобный вину, смешанному с ядом, Искандер и слепой Гомер – это всё Ее дети, все они пили Ее молоко, и каждого Она ввела в мир за руку, когда они были ростом не выше тюльпана, – вся гордость мира – от Матерей!

И вот задумался седой разрушитель городов, хромой тигр Тимур-Гуруган, и долго молчал, а потом сказал ко всем:

– Мен тангри кули Тимур! Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот – жил я, уже много лет, земля стонет подо мною, и тридцать лет, как я уничтожаю жатву смерти вот этою рукой, – для того уничтожаю, чтобы отмстить ей за сына моего Джигангира, за то, что она погасила солнце сердца моего! Боролись со мною за царства и города, но – никто, никогда – за человека, и не имел человек цены в глазах моих, и не знал я – кто он и зачем на пути моем? Это я, Тимур, сказал Баязету, победив его: «О Баязет, как видно – пред богом ничто государства и люди, смотри – он отдает их во власть таких людей, каковы мы: ты – кривой, я – хром!» Так сказал я ему, когда его привели ко мне в цепях и он не мог стоять под тяжестью их, так сказал я, глядя на него в несчастьи, и почувствовал жизнь горькою, как полынь, трава развалин!

– Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот – сидит предо мною женщина, каких тьмы, и она возбудила в душе моей чувства, неведомые мне. Говорит она мне, как равному, и она не просит, а требует. И я вижу, понял я, почему так сильна эта женщина, – она любит, и любовь помогла ей узнать, что ребенок ее – искра жизни, от которой может вспыхнуть пламя на многие века. Разве все пророки не были детьми и герои – слабыми? О, Джигангир, огонь моих очей, может быть, тебе суждено было согреть землю, засеять ее счастьем – я хорошо полил ее кровью, и она стала тучной!

Снова долго думал бич народов и сказал наконец:

– Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Триста всадников отправятся сейчас же во все концы земли моей, и пусть найдут они сына этой женщины, а она будет ждать здесь, и я буду ждать вместе с нею, тот же, кто воротится с ребенком на седле своего коня, он будет счастлив – говорит Тимур! Так, женщина?

Она откинула с лица черные волосы, улыбнулась ему и ответила, кивнув головой:

– Так, царь!

Тогда встал этот страшный старик и молча поклонился ей, а веселый поэт Кермани говорил, как дитя, с большой радостью:

Что прекрасней песен о цветах и звездах?
Всякий тотчас скажет: песни о любви!
Что прекрасней солнца в ясный полдень мая?
И влюбленный скажет: та, кого люблю!
Ах, прекрасны звезды в небе полуночи – знаю!
И прекрасно солнце в ясный полдень лета – знаю!
Очи моей милой всех цветов прекрасней – знаю!
И ее улыбка ласковее солнца – знаю!
Но еще не спета песня всех прекрасней,
Песня о начале всех начал на свете,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.